

29. Костопільські вісті. – Костопіль, 1941. – Чис. 15. – 26 жовт.
30. Костопільські вісті. – Костопіль, 1943. – Чис. 17 (91). – 5 трав.
31. Костопільські вісті. – Костопіль, 1943. – Чис. 37 (111). – 19 верес.
32. Курилишин К. Українська легальна преса періоду німецької окупації (1939–1944 рр.) : іст.-бібліогр. дослідж : у 2 т. Т. 1 : А–М / К. Курилишин ; НАН України, Львів. нац. наук. б-ка ім. В. Стефаника, від. україніки, від-ня «НДЦ періодики» ; наук. ред.-консульт. М. М. Романюк. – Львів : [б. в.], 2007. – 640 с.
33. Курилишин К. Українська легальна преса періоду німецької окупації (1939–1944 рр.) : іст.-бібліогр. дослідж : у 2 т. Т. 2 : Н–Я / К. Курилишин ; НАН України, Львів. нац. наук. б-ка ім. В. Стефаника, від. україніки, від-ня «НДЦ періодики» ; наук. ред.-консульт. М. М. Романюк. – Львів : [б. в.], 2007. – 592 с.
34. Курилишин К. Українське життя в умовах німецької окупації (1939–1944 рр.) : за матеріалами україномовної легальної преси / К. Курилишин ; НАН України, Львів. нац. наук. б-ка України ім. В. Стефаника, Львів. від-ня ін-ту укр. археографії та джерелознав. ім. М. С. Грушевського ; наук. консульт. Я. Р. Дашкевич ; наук. ред. М. М. Романюк. – Львів : [б. в.], 2010. – 328 с.
35. Михайлюк М. Нацистська пропаганда в окупованому Києві / М. Михайлюк // Укр. іст. журн. – 2006. – № 1. – С. 131–144.
36. Орленя. – Рівне, 1941. – Чис. 1 ; Орленя. – Рівне, 1941. – Чис. 2 ; Орленя. – Рівне, 1941. – Чис. 3 ; Орленя. – Рівне, 1942. – Чис. 1 ; Орленя. – Рівне, 1942. – Чис. 2 ; Орленя. – Рівне, 1942. – Чис. 3 ; Орленя. – Рівне, 1942. – Чис. 4 ; Орленя. – Рівне, 1942. – Чис. 5 ; Орленя. – Рівне, 1942. – Чис. 6 ; Орленя. – Рівне, 1942. – Чис. 7 ; Орленя. – Рівне, 1942. – Чис. 9 ; Орленя. – Рівне, 1942. – Чис. 10 ; Орленя. – Рівне, 1942. – Чис. 11.
37. Павлюк І. Українська легальна преса Волині, Полісся, Холмщини та Підляшшя. 1917–1939, 1941–1944 рр. / І. Павлюк ; НАН України ; Львів. наук. б-ка ім. В. Стефаника «НДЦ періодики». – Львів : Каменяр, 2001. – 285 с.
38. Радчик Р. Літопис буремних днів : видавництво «Волинь» (1941–1944 рр.) у ствердженні української державності / Р. Радчик. – Рівне : [б. в.], 2006. – 188 с.
39. Салата О. Формування німецького інформаційного простору в Рейхскомісаріаті «Україна» та в зоні військової адміністрації (червень 1941–1944 рр.) / О. Салата. – Донецьк : Норд-Прес, 2010. – 362 с.
40. Українка. – Костопіль, 1942. – Чис. 2. – 5 лют. ; Українка. – Костопіль, 1942. – Чис. 3. – 19 лют. ; Українка. – Костопіль, 1942. – Чис. 11. – 11 черв. ; Українка. – Костопіль, 1942. – Чис. 12. – 25 черв. ; Українка. – Костопіль, 1942. – Чис. 18. – 24 верес. ; Українка. – Костопіль, 1942. – Чис. 20. – 22 жовт. ; Українка. – Костопіль, 1942. – Чис. 23. – 16 груд. ; Українка. – Костопіль, 1942. – Чис. 24. – 31 груд. ; Українка. – Костопіль, 1943. – Чис. 1 (25). – 7 січ. ; Українка. – Костопіль, 1943. – Чис. 2 (26). – 21 січ. ; Українка. – Костопіль, 1943. – Чис. 4 (28). – 25 лют.
41. Український хлібороб. – Рівне, 1942. – Чис. 3 ; Український хлібороб. – Рівне, 1942. – Чис. 4 ; Український хлібороб. – Рівне, 1942. – Чис. 5 ; Український хлібороб. – Рівне, 1942. – Чис. 6 ; Український хлібороб. – Рівне, 1942. – Чис. 7 ; Український хлібороб. – Рівне, 1942. – Чис. 8 ; Український хлібороб. – Рівне, 1942. – Чис. 9 ; Український хлібороб. – Рівне, 1942. – Чис. 10.
42. Центральний державний архів громадських об'єднань України (далі – ЦДАГО України), ф. 166, оп. 3, спр. 146, 44 арк.
43. ЦДАГО України, ф. 166, оп. 3, спр. 152, 26 арк.
44. Шаповал Ю. Г. Газета «Волинь» як український часопис (1941–1944 рр.) / Ю. Шаповал // Зб. пр. «НДЦ періодики». – Вип. 1. – Львів : [б. в.], 1994. – С. 122–138.
45. Школярік. – Дубно, 1941. – Чис. 1. – 1 жовт. ; Українська дитина. – Костопіль, 1942. – Чис. 9.

Евгеній Гребень

Генеральный округ Волинь и Подолия в материалах белорусских архивов

В статье характеризуются документы периода нацистской оккупации, относящиеся к генеральному округу Волинь и Подолия, хранящиеся в настоящее время на территории Республики Беларусь. Дается аннотация фондов государственного архива Брестской области, анализируются различные группы архивных документов, относящихся к белорусским территориям, входившим в состав генерального округа Волинь и Подолия.

Ключевые слова: нацистская оккупация, рейхскомиссариат Украина, генеральный округ Волинь и Подолия, Брестский, Пинский, Столинский округа.

Гребень Євген. Генеральний округ Волинь та Поділля в матеріалах білоруських архівів. У статті охарактеризовано документи періоду нацистської окупації, які належать до генерального округу Волинь та Поділля і до сьогодні зберігаються на території Республіки Білорусь. Надано анотацію фондів Державного архіву Брестської області, проаналізовано різні групи архівних документів, які стосуються до білоруських теренів, що входили до складу округу Волинь та Поділля.

Ключові слова: нацистська окупація, райхскомісаріат Україна, генеральний округ Волинь та Поділля, Століпінський округ.

Hreben Yauhen. The General District of Volhynia and Podolia in the Materials of Belarusian Archives.

Documents of the period of Nazi occupation relating to the General District of Volhynia and Podolia are characterized in the article. They are currently stored on the territory of the Republic of Belarus. The summary of funds of the State Archives of Brest Region is given, different groups of archival documents relating to the Belarusian territories that formed the part of the General District of Volhynia and Podolia are analyzed.

Key words: Nazi occupation, Reichskommissariat Ukraine, General District of Volhynia and Podolia, Brest, Pinsk, and Stolin districts.

В период нацистской оккупации некоторые южные районы Беларуси вошли в состав генеральных округов Житомир, и Волинь и Подолия рейхскомиссариата Украина. В составе генерального округа Волинь и Подолия были созданы Брестский, Пинский, Столинский и Кобринский округа. В Государственном архиве Брестской области хранится 47 фондов, насчитывающих свыше 13 500 единиц хранения, содержащих документы по генеральному округу Волинь и Подолия, в частности фонд Пинской комендатуры, 18 фондов органов немецкой и коллаборационной администрации (Брестский окружной комиссариат, 3 городских комиссариата и управы, 9 районных управ, 4 волостные управы и 1 сельская), 25 фондов относятся к подразделениям немецкой и коллаборационной администрации (Брестский мировой суд, Пинская тюрьма, лесные инспектораты, отделения ЦТО, банков, железной дороги, учреждений генерального комиссариата), 3 фонда представляют общественные организации: Брестский окружной комитет взаимопомощи, украинский и русский комитеты взаимопомощи в Бресте. Для данных фондов характерна разная степень информативности. Количество единиц хранения колеблется от одной или нескольких (украинский и русский комитеты взаимопомощи, Лаховская волостная управа и др.) до нескольких тысяч. Наиболее полно сохранились комплексы документов Брестской городской управы (4949 ед. хр.), Пинской городской управы (2578 ед. хр.), Пинской Восточной районной управы (2840 ед. хр.).

Среди документов доминирует внутренняя переписка подразделений коллаборационной администрации, переписка с генеральным и окружными комиссарами, предприятиями и учреждениями по различным социально-экономическим вопросам. Сохранились также объявления и листовки, распоряжения глав немецкой администрации, отдельные приложения к правительственному вестнику генерального комиссара Волини и Подолии за 1943 г. в которых содержится информация относительно сбора лекарственных трав, нотариата, распоряжение об обязательной трудовой повинности, ветеринарии, ценах и многом другом [1, 17–20].

Документы написаны на немецком, белорусском, русском, украинском и польском языках. Немецкоязычные документы представлены распоряжениями рейхскомиссара Украины, генерального комиссара Волини и Подолии и Пинского и Столинского гебитскомиссаров (они же дублируются и на украинском языке), а также перепиской немецких организаций и фирм. Административная переписка подразделений коллаборационной администрации велась на украинском, белорусском, русском и польском языках. Польскоязычные документы доминируют в фонде Брестской городской управы, хотя могут встречаться и в других регионах. Согласно циркуляру Лунинецкого временного комитета от 25.07.1941 г. делопроизводство должно было вестись на русском и польском языках [2, 1].

В первые месяцы оккупации издавались документы общего характера, адресованные местному населению, разъясняющие суть «нового порядка», например, объявления за подписью глав местной администрации осень 1941 г. с указанием местному населению сохранять спокойствие в результате «освобождения», переход бывших помещичьих земель и инвентаря в государственную собственность, отчисления 1/3 урожая в пользу государства с этих земель, запрете самовольных порубок в лесах, ходить по лесам без разрешения и др. [3, 167]. Сохранились многочисленные распоряжения глав коллаборационной администрации по внутренним вопросам. Интересен циркуляр бургомистра Пинска от 04.11.1941 г. относительно посещения сотрудниками ресторанов и кафе и употребления

спиртных напитков: «...нельзя обойти молчанием пышный образ жизни магистратского служащего, скромное жалование которого прямо делает для него невозможным посещение дорогих ресторанов и гастрономических мест...» [4, 8].

Ценным источником является переписка подразделений коллаборационной администрации с гражданами и судами относительно уплаты судебных пошлин и штрафов. В ней содержится информация о правонарушениях граждан, видах штрафных санкций, утверждении завещаний граждан, расторжении браков, присуждении алиментов [5, 1–13; 6, 12].

Документы позволяют проследить мероприятия оккупантов по регистрации и учету населения. Данный процесс носил перманентный характер, немецкая администрация регулярно требовала от управ статистические данные о половозрастной структуре, национальном составе населения в разрезе районов, городов, волостей и сельских общин. Например, в Лунинецкой волости на 15.11.1942 г. проживало 17 577 белорусов, 126 украинцев, 6 немцев, 740 поляков, 38 русских [7, 8].

Обширная источниковая база иллюстрирует трудовую политику оккупационных властей. Среди таких документов можно отметить распоряжения гебитскомиссаров и глав местной администрации относительно учета рабочей силы. Сбор и уточнение данных велся на протяжении всей оккупации. Например, на территории Лунинецкой волости сбор статистических данных проходил в несколько этапов. На 4 января 1942 г. были собраны общие сведения о количестве населения (отдельно мужчины, женщины, дети до 14 лет, нетрудоспособные); данные сравнивались с аналогичными показателями на сентябрь 1939 г. [7, 3]. Вскоре сельские старосты получили от волостного правления задание предоставить к 24.01.1942 г. списки трудоспособных жителей волости по прилагаемой форме с указанием фамилии, имени, даты рождения, места жительства, семейного положения и количества детей до 14 лет, профессии и национальности [7, 16–19]. Статистические сведения не охватывали еврейское население, и в документах местной вспомогательной администрации для разграничения категорий рабочей силы по отношению к коренному населению часто использовался термин «арийцы» [8, 2–9]. Детальная статистика позволяла оперативно реагировать на запросы различных служб и ведомств о рабочих конкретных специальностях, а также на требования о предоставлении рабочей силы для рейха. При сборе сведений на особый учет брались «иностранные работники», под которыми подразумевались лица, прибывшие в регион с территории СССР в границах до сентября 1939 г. Прибывшие с востока считались продуктом социалистической идеологии. Власти стремились нейтрализовать их, отправляя в Германию [9, 2].

Документы управ дают представление об эффективности трудоустройства, отношении к трудовой повинности местного населения. В частности, это распоряжения о поставке рабочей силы сельскими общинами, виды работ. Уже с сентября 1941 г. за подписью начальника района распространялись вызовы на работы («наказ шарварковий»). Исходя из площади земельного владения отработывалось определенное количество дней на дорожных работах, за отказ–принуждение [3, 166]. Ряд источников дает представление о мерах наказания за неисполнение трудовой повинности: распоряжения о штрафах, телесных наказаниях и принудительных работах, выносимых биржами труда и местной администрацией. На основании имеющихся источников можно проследить, как население уклонялось от трудовой повинности, пытаясь получить справки о нетрудоспособности, подавая заявления о болезни лошадей, прошения о снятии штрафов ввиду тяжелого материального положения и др. Штрафные санкции могли быть сняты в случае предоставления оправдательного документа о болезни лошади [10, 3–6, 21]. Сохранились также распоряжения об оплате труда отдельных категорий работников, публиковавшихся в выписках их центрального вестника рейхскомиссариата Украины [11, 23]. Можно проследить увеличение возрастных рамок трудовой повинности. На основании распоряжения бургомистра Пинска от 22.06.1943 г. трудовой повинности подлежали даже лица 1930 и 1931 годов рождения [12, 1].

Одним из направлений трудовой политики немцев являлась мобилизация на работы в Германию. Архивные источники характеризуют механизм вербовки: распоряжения бирж труда о количестве мобилизуемых по волостям и районам, документы медкомиссий, переписка с полицией о принудительной вербовке, заявления граждан об освобождении от мобилизации, списки отправляемых в Германию и транспортные листы [13, 1–112]. В регионе распространялись листовки с агитацией работы в Германии на украинском языке с описанием жизни в Германии, статистическими данными («Робітники зі Сходу мають в Німеччині можливість ощаджувати», «Твоя праця в Німеччині допомагає знищити большевізм») [14, 20].

Архивные документы дают представление о налогообложении, в частности, справки и списки о сдаче сельскохозяйственного налога по отдельным районам, временное распоряжение о взимании налогов и других денежных отчислений на территории рейхскомиссариата Украина, распоряжения Брестского гебитскомиссара о налоге с оборота, подоходных отчислений, налогообложении кооперативов и предпринимателей, 14.10.1942 г., своевременной выплате налогов от 1.04.1944 г., квитанции об уплате налогов предпринимателями [15, 1–4; 16, 6–16; 17, 1]. Помимо фиксированных налогов уже летом 1941 г. многие жители Беларуси сталкивались с реквизицией продуктов питания проходящими частями вермахта и полицией. В отдельных случаях командиры немецких частей выдавали крестьянам документы о количестве конфискованных продуктов, стоимость которых немецкое командование обещало в будущем компенсировать. В дальнейшем реквизиции продолжались регулярно, поскольку территория Беларуси являлась транзитной для немецких войск, направлявшихся на фронт, а также тут размещались значительные контингенты охранных войск и полиции, боровшихся с партизанами. Крестьянские общины стремились самостоятельно задокументировать эти факты [18, 2, 2 об., 4]. В декабре 1941 г. вышло распоряжение Столинского гебитскомиссара о сдаче зимних вещей для армии, в котором отмечалось, что «...просидіти в теплій хаті можна і без кожуха і що народ не може оцінювати свою майбутню житку по вартості кожуха» [3, 54].

Сохранилось распоряжение относительно упорядочения торговли на рынках Брестского округа, в котором расписывалось, что и когда можно продавать, упорядочение территории. Из сельскохозяйственных продуктов не разрешались к продаже мясо, свиной жир, сливочное масло как продукты, подлежащие строгой экономии, а также кони, коровы и свиньи. При продаже остальных сельскохозяйственных продуктов продавец был обязан иметь при себе справку от районной управы о сдаче контингента. Продавать разрешалось только урожай, выращенный на собственных подворьях, перекупщикам вход на рынок воспрещался, как и убой на рыночной площади разрешенных к продаже животных и птицы, которые должны были продаваться живыми; птицу надлежало продавать в корзинах или ящиках, запрещалось носить птицу за крылья по рынку [19, 5]. О ценовой политике дает представление протокол заседания представителей гастрономических предприятий Бреста от 3.12.1943 г., на котором была определена стоимость типового обеда в коммерческих заведениях города [20, 33].

Ряд документов характеризует порядок эксплуатации и обязательного страхования жилого фонда на территории Волини и Подолии, а также тарифы квартплаты в коммунальных домах в зависимости от площади и удобств [21, 11–17; 22, 117]. Для строительства новых домов требовалось специальное разрешение местной администрации, хотя данный запрет зачастую игнорировался населением, особенно в первый период оккупации. Начальник Лунинецкого района в октябре 1941 г. констатировал массовую застройку без разрешений, проводимую городскими и сельскими жителями, и запретил с 1.11.1941 г. всякое строительство без разрешения волостного или городского управлений. Возведение новых построек разрешалось на основании правил, существовавших в Польше до 1939 г. (Устава будовляна от 1928 г.). На постройки, возведенные до издания данного распоряжения, разрешение могло быть выдано только в том случае, если постройка соответствовала вышеуказанным правилам, в противном случае ее владелец был обязан внести соответствующие изменения. Проекты зданий высотой двух и более этажей, а также строящихся вдоль центральных улиц, необходимо было представлять начальнику района для утверждения [23, 14]. Распоряжение не исполнялось, и уже в июле 1942 г. начальник Лунинецкого района констатировал, что в деревнях в последнее время начато строительство многих новых жилых домов без разрешения, и требовал от волостной администрации заморозить строительство, а от владельцев легализировать их, для чего было необходимо представить в районную управу план постройки в масштабе 1:100, план усадьбы и сведения о наличии мастеров, рабочих и тягловой силы [24, 69]. Согласно распоряжению Столинского гебитскомиссара от 16.05.1942 г. для постройки новых домов в населенных пунктах Столин и Давид-Городок и в деревнях (для построек более 120 м²) нужно было получать разрешение гебитскомиссариата, для чего требовалось предоставить план с описанием фасада здания, план с обозначением расстояния до соседних построек. Для построек площадью менее 120 м² необходимо также было предоставить свидетельство лесничества о закупке лесоматериала [3, 17].

Жилой фонд страдал от налетов авиации, поэтому оккупационная администрация уже в июле 1941 г. издавала распоряжения относительно затемнения домов в вечернее и ночное время. Времен-

ный комитет г. Лунинца издал подобное распоряжение уже 17.07.1941 г., когда Красная армия вела оборонительные бои на территории Беларуси, и немецкие военные объекты в городах западной и центральной Беларуси были в зоне досягаемости советской авиации. От населения требовалось с наступлением сумерек производить затемнение окон под угрозой наказания вплоть до расстрела [25, 1]. Аналогичные меры принимались и в период освобождения Беларуси. Гражданскому населению было предписано приступить к постройке бомбоубежищ и рвов, проводились противопожарные мероприятия, медицинские учреждения подготавливались к возможному наплыву пострадавших гражданских лиц [26, 24]. Тогда же вышло распоряжение бургомистра Пинска о покраске домовладельцами цинковых крыш в темный цвет, чтобы затруднить действия советской авиации [27, 1].

Интересен комплекс документов, характеризующих содержание скота и ветеринарии. Правила убоя скота регламентировались документом за подписью рейхсминистра А. Розенберга и дополнялись распоряжениями гебитскомиссаров. Вводился запрет убийства скота в ритуальных целях, без оглушения предварительного под угрозой наказания в виде штрафа или лишения свободы до 6 месяцев. На основании распоряжения Столинского гебитскомиссара (октябрь 1941 г.) семье в год разрешался забой свиньи или 3–4 телят за плату 20 карбованцев за свинью, 5 за теленка [3, 32, 69]. В случае смерти скота составлялся специальный акт за подписью ветеринарного врача (фельдшера), старосты общины и свидетелей, в котором указывалась причина смерти, что давало возможность удостовериться в том, что не был произведен самовольный убой, контролировать распределение мяса, а также служил основанием для выплаты страховки [28, 4]. Для получения страховки крестьяне составляли на имя начальника района прошения. Использовались бланки «Акт страти тварини», в которых содержались сведения о владельце, породе, масти и возрасте животного, номер паспорта (для коней), упитанность, виноват ли владелец в смерти животного, причина смерти, если животное было дорезано, то с чьего разрешения, что сделано с мясом, на какую сумму было застраховано и рыночная стоимость на момент смерти, свидетельство страхового инспектора относительно уплаты страховых платежей и резолюция гебитскомиссара относительно страховой выплаты [28, 62 об.]. Регламентировался порядок выпаса скота, условия сдачи населению в аренду лесных угодий для выпаса скота в лесах, подведомственных Лесной дирекции в Луцке [29, 4, 6].

Следствием резкого падения поголовья скота на оккупированной территории Беларуси стало вынужденное внимание оккупационных властей к санитарно-ветеринарным мероприятиям. Испытывая дефицит в тяглой силе и заинтересованные в регулярных поставках мяса для нужд вермахта оккупационные власти пытались минимизировать урон для постоянно сокращающегося поголовья скота от эпидемических заболеваний. В Ленинском районе Пинского округа в 1942 г. был определен порядок действий на случай эпизоотии. Владелец заболевших животных был обязан сообщить об этом старосте деревни или напрямую ветеринару. Староста пересылал заявление в волостную управу и обеспечивал до прибытия ветврача изоляцию заболевших животных, перевод здоровых в другое помещение. Запрещалось выводить скот из данного хозяйства на пастбище и приводить сюда скот из других хозяйств, входить сюда посторонним лицам. Трупы павших животных необходимо было сохранять до прибытия ветврача, запрещалось снимать шкуру [30, 1].

Иллюстрацией функционирования карантинных мероприятий служит вспышка эпизоотии в дер. Запросье Микашевичской волости Ленинского района в июне 1942 г. В Запросье в двух хуторских хозяйствах скот заболел ящуром. Заведующий ветеринарным фельдшерским участком оповестил Микашевичское волостное управление о случившемся и предложил принять следующие меры: изолировать больных животных, здоровый скот из этих хозяйств не выпасать на общинном пастбище, а пасти около домов, не допускать сюда скот с соседних хуторов, прекратить сдачу молока из этих хозяйств, воспрепятствовать жителям зараженных хуторов выходить за пределы хозяйств, а также запретить посещение Запросья населению из-за Припяти, поскольку, по его мнению, эпизоотия перекинулась оттуда, с территории Столинского района [30, 9].

Лесные районы Беларуси подвергались интенсивной эксплуатации, что отразилось в ряде нормативных актов, регламентировавших пользование природными ресурсами. В частности были изданы распоряжения за подписью генерального комиссара и лесных инспекторов, регламентирующие порядок рыбной ловли (указывались разрешенная снасть, сумма оплаты, порядок аренды водоемов), использования лесных ресурсов. Сохранились протоколы на нарушителей, лесорубные билеты, персональные данные сотрудников лесничеств и надлесничеств [31, 2–4, 9; 32; 33, 2]. Распоряжением

отдела лесов, древесины и охоты рейхскомиссариата Украины регламентировалось, когда на какую дичь и в каком объеме можно охотиться, определение лесных массивов (не менее 300 га) [34, 3–5]. Гражданское население активно привлекалось к сбору растений. Специальная Инструкция по сбору растений Волинской конторы прядильных культур в Луцке давала описание необходимых для сбора трав, объясняла, когда собирать и как сушить [35, 9, 9 об.]. В феврале 1943 г. на территории генерального округа районным школьным инспекторам предписывалось безотлагательно связаться с районными сельскохозяйственными руководителями и организовать учителей для сбора школьниками лекарственных растений. Школьные инспекторы должны были ежемесячно докладывать о количестве и видах собранных учителями и школьниками лекарственных растений [1, 3 об.]. Распространялась также распоряжение генерального комиссара о борьбе с гусеницами и бабочками с описанием приносимого ими вреда [3, 138].

Объявление за подписью Брестского гебитскомиссара от 20.09.1942 г. иллюстрирует механизм функционирования в регионе системы здравоохранения для местного населения [36, 34]. 25.02.1942 г. вышло распоряжение рейхскомиссара Украины «О борьбе с венерическими болезнями местного населения». Венерические больные подлежали принудительному лечению. Каждый заболевший или знающий про заболевание другого лица, например, родители, опекуны несовершеннолетних, были обязаны обратиться к врачу. Гебитскомиссар или районный врач могли подвергнуть подозрительных граждан принудительному врачебному осмотру и лечению, при необходимости прибегнув к помощи полиции. Каждый медработник обязывался безотлагательно сообщать гебитскомиссару о факте венерического заболевания под угрозой наказания в виде лишения свободы, денежного штрафа, временного или постоянного запрета заниматься медицинской практикой. Тюремное заключение также угрожало самим заболевшим, которые знали о болезни и заражали половым путем других лиц (а в случае заражения немцев – смертная казнь); заболевшим, которые предоставляли ложные сведения относительно источника заболевания или отказывались давать пояснения на сей счет; граждане, отказывавшиеся от лечения; родственник или опекуны, которые не проконтролировали своевременно обращение заболевших за медицинской помощью [1, 3 об.]. Обращение граждан в клиники часто было вызвано стремлением получить справку о нетрудоспособности и избежать исполнения трудовой повинности [10, 7].

Отдельные документы дают представление о системе образования. На основании распоряжения Пинского гебитскомиссара с 1 мая 1942 г. предусматривалась возможность открытия торговых и ремесленных школ, а также специальных классов с обучением немецкому языку, стенографии, машинописи для подготовки кадров для местной администрации [37, 4–5]. В октябре 1942 г. вышло распоряжение Пинского окружного комиссара об открытии белорусских начальных школ по причине большого количества белорусов в регионе. Подчеркивалось, что запрет на открытие польских школ остается в силе, а в белорусских школах украинский язык включался в учебный план как обязательный предмет. Окружной школьный инспектор со ссылкой на распоряжение гебитскомиссара требовал от районных школьных инспекторов изъять выявленные в школах советские учебники по грамматике немецкого языка издания 1941 г., содержание которых оскорбляло немецкое государство. Разъяснение Пинского гебитскомиссара касалось возможности преподавания Закона Божьего в школах учителям или духовным лицам по желанию учеников. В разъяснение Пинского окружного школьного инспектора говорилось о невозможности закрытия школ на полевой сезон (за исключением самых горячих дней жатвы), как того желали родители, поскольку зимой будет мало топлива и невозможно будет заниматься. Детям-полякам предписывалось посещать школы белорусские или украинские, так как открытие польских школ не предусматривалось [35, 7, 12, 14, 20].

Регламентировалось празднование нацистских праздников и проведение культурно-массовых мероприятий. Пинский школьный отдел накануне дня рождения Гитлера предписывал декорировать школы немецкими и украинскими национальными флагами, а также выдать ученикам флажки для участия в торжественном шествии на городской площади [38, 13]. Циркуляр бургомистра Пинска от организации митинга в честь третьей годовщины занятия области германскими войсками [39, 6]. Сохранилась также программа собрания глав коллаборационной администрации Пинского округа по поводу предполагаемого визита генерального комиссара 7.07.1942 г. Подчеркивался запрет на исполнение национальных гимнов [40, 1]. Распоряжение ортскомендатуры Лунинца о запрете посещения немцам посещать кинотеатры для гражданского населения ввиду опасности заражения вшами. В

связи с вечерними киносеансами горожанам разрешалось передвижение по городу после начала комендантского часа при условии наличия билетов из кинотеатра [41, 11, 20].

На территории Брестского округа действовал окружной комитет взаимопомощи, в самом Бресте Украинский и Русский комитеты взаимопомощи. Относительно первых двух сведений сохранилось немного, в частности, не выявлены Уставы организаций. В то же время имеется много заявлений малоимущих граждан (часто беженцев) в комитеты с просьбой о помощи [42, 144, 173]. Не позднее августа 1941 г. в г. Бресте был создан Русский комитет взаимопомощи. По ряду косвенных данных можно предположить, что организация осуществляла некоторую гуманитарную деятельность среди гражданского населения, предположительно, этнических русских, и занималась насаждением русских националистических идей. Сохранились воззвание РКВ, в котором русские призывались помогать германским властям и армии в ликвидации коммунизма и отражалась основополагающая идея организации: «Новые условия жизни требуют от нас организации Русского комитета, целью которого является устройство нашей национально-культурной жизни и забота о русском населении». Русский комитет взаимопомощи также пытался развивать в регионе образование на русском языке. На конференции, организованной отделом образования Брестского городского магистрата 3.09.1941 г. было принято решение об открытии трех русских школ. Издавались листовки, адресованные партизанам, красноармейцам, карикатуры на советских лидеров, антисоветские стихи [43, 6–7, 12–13, 19, 30, 84]. Действовал также Украинский комитет помощи в Лунинце, однако о его деятельности сохранились лишь фрагментарные сведения, в частности, переписка с волостной управой о погребении малоимущих граждан [44, 2–5].

Достаточно редко встречаются документы о действиях партизан, что объясняется тем фактом, что подавляющее число документов—это переписка гражданской администрации, однако встречаются донесения сельских старост об уходе граждан в партизаны, о производимых партизанами реквизициях [45, 9–11].

В период нацистской оккупации некоторые территории Западной Беларуси и Западной Украины оказались в составе одной территориально-административной единицы, что обусловило общие моменты социально-экономической ситуации, которую можно реконструировать благодаря сохранившейся обширной документальной базе, которая позволяет достаточно полно реконструировать основные направления немецкой оккупационной политики, повседневную жизнь населения белорусских территорий генерального округа Волынь и Подолия.

Список использованных источников

1. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО), ф. 201, оп. 1, д. 1323.
2. ГАБО, ф. 2136, оп. 1, д. 1.
3. ГАБО, ф. 2138, оп. 1, д. 2 а.
4. ГАБО, ф. 2135, оп. 1, д. 15.
5. ГАБО, ф. 639, оп. 1, д. 9.
6. ГАБО, ф. 2135, оп. 1, д. 282.
7. ГАБО, ф. 2149, оп. 1, д. 6.
8. ГАБО, ф. 2135, оп. 1, д. 170.
9. ГАБО, ф. 2149, оп. 1, д. 35.
10. ГАБО, ф. 2149, оп. 1, д. 31.
11. ГАБО, ф. 2135, оп. 2, д. 82.
12. ГАБО, ф. 2135, оп. 2, д. 109.
13. ГАБО, ф. 192, оп. 1, д. 63.
14. ГАБО, ф. 2135, оп. 1, д. 357.
15. ГАБО, ф. 192, оп. 1, д. 1.
16. ГАБО, ф. 192, оп. 1, д. 15.
17. ГАБО, ф. 192, оп. 1, д. 52.
18. ГАБО, ф. 2149, оп. 1, д. 20.
19. ГАБО, ф. 201, оп. 1, д. 2402.
20. ГАБО, ф. 201, оп. 1, д. 682.
21. ГАБО, ф. 2135, оп. 2, д. 1361.
22. ГАБО, ф. 2738, оп. 1, д. 1.
23. ГАБО, ф. 2733, оп. 1, д. 6.
24. ГАБО, ф. 2733, оп. 1, д. 28.

25. ГАБО, ф. 2178, оп. 1, д. 1.
26. ГАБО, ф. 2149, оп. 1, д. 21.
27. ГАБО, ф. 2135, оп. 2, д. 864.
28. ГАБО, ф. 192, оп. 1, д. 29.
29. ГАБО, ф. 2733, оп. 1, д. 45.
30. ГАБО, ф. 2733, оп. 1, д. 49.
31. ГАБО, ф. 2182, оп. 1, д. 134.
32. ГАБО, ф. 2151, оп. 1, д. 63.
33. ГАБО, ф. 2733, оп. 1, д. 57.
34. ГАБО, ф. 2738, оп. 1, д. 4.
35. ГАБО, ф. 2736, оп. 1, д. 65.
36. ГАБО, ф. 192, оп. 1, д. 16.
37. ГАБО, ф. 2736, оп. 1, д. 56.
38. ГАБО, ф. 2135, оп. 2, д. 158.
39. ГАБО, ф. 2135, оп. 1, д. 285.
40. ГАБО, ф. 2733, оп. 1, д. 22.
41. ГАБО, ф. 2149, оп. 1, д. 37.
42. ГАБО, ф. 199, оп. 1, д. 10.
43. ГАБО, ф. 203, оп. 1, д. 1.
44. ГАБО, ф. 2149, оп. 1, д. 36.
45. ГАБО, ф. 2735, оп. 1, д. 50.

Наталія Сірук

Повоєнні ідеологічні кампанії в Україні (друга половина 40-х – початок 50-х рр. XX ст.): джерельна база

На основі широкого кола джерел, архівних документів і матеріалів, критичного осмислення доробку попередників – вітчизняних та зарубіжних учених – у статті – цілісно і комплексно проаналізовано джерельну базу політико-ідеологічних кампаній в Україні в другій половині 40-х – на початку 50-х рр. XX ст.

Ключові слова: ідеологія, культура, інтелігенція, постанова, джерельна база.

Сірук Наталія. Послевоенные идеологические кампании в Украине (вторая половина 40-х – начало 50-х гг. XX ст.): база источников. На основе широкого круга источников, архивных документов и материалов, критического осмысления наработки предшественников – отечественных и зарубежных ученых – в статье дается целостный и комплексный анализ источниковой базы политико-идеологических кампаний в Украине во второй половине 40-х – в начале 50-х гг. XX ст.

Ключевые слова: идеология, культура, интеллигенция, постановление, источниковая база.

Siruk Nataliya. Post-War Ideological Campaigns Are in Ukraine (the Second Half of 40th is Beginning of 50th of XX Item): Spring Base. On the basis of wide circle of sources, archived documents and materials, critical comprehension of work of predecessors – domestic and foreign scientists, in the article the integral and complex analysis of a spring base is given politiko-ideological campaigns in Ukraine of the second half of 40th – beginning of 50th of XX item.

Key words: ideology, culture, intelligentsia, decision, spring base.

Постановка наукової проблеми та її значення. Сутністю проблеми цієї статті є дослідження джерельної бази ідеологічних кампаній в Україні, т. зв. «ждановщини», які відбувались у суспільно-політичному та культурному житті України в другій половині 40-х – на початку 50-х рр. XX ст.

Аналіз досліджень і публікацій. Аналіз архівних матеріалів, передусім постанов та рішень ЦК КП(б)У, збірників документів та матеріалів, мемуарної літератури, розкриває суть, методи й наслідки культурно-ідеологічних кампаній останнього періоду сталінщини. Згадані в статті наукові праці та документи дають змогу об'єктивно оцінювати важливі аспекти діяльності інтелігенції післявоєнного періоду.